

Александр Самбрус

Жара

Роман-феерия

Предисловие

Эту странную историю мне рассказала бабушка, а ей, в свою очередь, рассказала ее мама, а маме, ну, то есть прабабушке, на бальнеологическом курорте об этом удивительном случае поведала какая-то сумасбродная дама, жена нотариуса. Так что ничего удивительного нет в том, насколько этот рассказ получился запутанным, несвязным и, в некотором роде, как справедливо утверждают некоторые, даже и бестолковым.

Одним словом, события разворачиваются в тридцатых годах XX века в каком-то южноевропейском приграничном городе. В каком — не уточняется, все потому, что эта дама, жена нотариуса, была несколько невротического склада и, вероятно, из-за этого никак не могла вспомнить названия города — у нее все названия спутались в

голове, и с возрастом это несчастье только усугублялось, что уж тут поделаешь? У нее даже не было полной уверенности в том, что это был южноевропейский город, временами ей казалось, что это вполне мог быть и центральноевропейский, но уж точно не Вена. Потому что Вена, во-первых, достаточно велика и спутать ее с каким-то другим городом было бы сложно. И потом, если бы это была Вена, то она посещала бы оперу, причем регулярно, а в этом городе, где действие разворачивается, оперного театра не было. Какой-то театр был, и даже неказистая балетная труппа при нем наличествовала, а вот ничего, связанного с оперой, точно там не было.

Опять же, временами реминисценции с Веной никак не хотели отступать на второй план и только добавляли жене нотариуса сумбуру в голове еще и потому, что много воды было в этом городе — то ли Дунай широко тут разливался, то ли озеро какое-то было, одним словом, географически она не могла сориентироваться точно. С другой стороны, она вполне здраво рассуждала, когда говорила о том, что не клином на Вене свет сошелся, — разве мало больших и красивых городов на Дунае расположено? Да сколько угодно. И с этим трудно спорить, конечно.

А вот что еще совершенно точно, так это то, что летом в этом городе всегда стояла жуткая жара.

Эта жара носила специфический удушливый характер. Дело в том, что с противоположной стороны озера, разделяющего два государства — то, которое на севере, и это южное, — возвышалась высокая горная гряда, так что жарким массам воздуха, поступающим с юга, некуда было деваться — эти массы упирались в горную гряду и плотным облаком нависали над озером и городом. Более того, какое-то время тому назад северяне еще и заделали бетонными перегородками несколько ущелий, что шли от озера к ним через эти горы, ну, а чтобы иметь выход к единственному своему порту на озере, они прорубили туда туннель. Еще и с ним всякие манипуляции проводили: то они его открывали, то закрывали. В газетах писали, что сделано это было не без умысла: северяне якобы пришли к выводу, что какое-то время этот южный город, может, и продержится в этой удушливой атмосфере, но так, чтобы долго... Мировая общественность, естественно, решительно поднялась на защиту, президенты и премьер-министры разных стран такие устрашающие слова произносили в адрес северян, что даже непонятно было, что из всего этого может получиться. Закончилось все, правда, тем, что квалифицировали эти перегородки как Стену (с большой буквы так и писали), разделяющую народы, культуры и все такое прочее. На этом все

стало затихать. Правда, одно время южное государство хотело в международные организации обратиться, чтоб те дали правовую оценку. Но во-первых, северяне, как государство гораздо более сильное, имели там достаточно влияния и блокировать могли любое решение, а во-вторых, они придумали неплохое оправдание: они там, у себя, все время живут в состоянии холода зимой и легкой прохлады летом, и их народ особенный — он других климатических условий не выносит, таким образом, власти предприняли эти шаги исключительно для его выживания. А что касается неудобств для народа южного государства, так формально они тут ни при чем — даже и пальцем не пошевелили, чтобы нарушить чей-то там суверенитет. Относительно экологии — вдогонку они заявили — так это вообще выдумки интеллектуалов и отдельных сомнительных общественных организаций. Ну что тут поделаешь? Кто сильный, тот и правый, выхода не было — южное государство «утерло нос», ну а, собственно, горожане стали приспособляться: где только можно науставляли кондиционеров, как раз к тому времени началось их серийное производство, на каждом перекрестке обустроили питьевые фонтанчики, внедрили часы сиесты. Многое, конечно, еще нужно было сделать, но, в общем-то, можно сказать, что пути спасения были очерчены...

Но пока до летней жары еще было далеко, в городе и окрестностях стояла чудная весенняя пора. Было тепло, временами даже очень, но ничего изнуряющего пока не наблюдалось. Как раз в это прекрасное время в город и прибыл некий Максимилиан Д., молодой человек лет двадцати трех — двадцати пяти, недурственной наружности и с весьма обходительными манерами, чувствовалось, что он из хорошей интеллигентной семьи. Прибыл с той, северной стороны. Там, у себя, он только окончил финансовый институт, прошел короткую стажировку на какой-то тамошней бирже и по туристической путевке выехал на выходные в одну из нейтральных стран якобы для осмотра изумительно красивых мест, а уже оттуда, после осмотра этих мест, перебрался к нам. Они всегда так поступают: им к нам невозможно вырваться напрямую, так что они вначале вынуждены красоты осматривать, ну, а потом уже окольными путями — к нам.

Почему Максимилиан решил оттуда уехать — не совсем понятно, к «политическим» он вовсе не принадлежал, но информация некоторая все же просочилась: несмотря на молодость лет и отсутствие профессионального опыта, он не захотел присоединять свой голос к всеобщей какофонии звуков, которая господствовала в тех краях. И потом, многие из них, этих северян, к нам рвутся

потому, что там холодно, пасмурно, люди друг другу не улыбаются, вечно какие-то парады устраиваются, порой устрашающие, а у нас всегда тепло и душевно. Скорее всего, это как раз и было истинной причиной его у нас появления.

У Максимилиана тут все по самой высокой протекции сложилось: в нашей столице у него какой-то троюродный дядюшка проживал, крупный бизнесмен, а у нас в городе сама мадам Гобзалова замолвила за него словечко — и без всяких проволочек он был принят брокером на товарную биржу.

Женой нотариуса сообщалось также, что этот Максимилиан был на вид очень симпатичный молодой человек: лицо приятное, роста высокого, волосы немного длинные, единственный недостаток, что страшно худой. Из-за такой невероятной худобы на него не подходил ни один размер одежды — все приходилось шить на заказ. Потом, правда, выяснилось, что он с собой немало всякой одежды привез. На фоне впалых скул его карие глаза казались огромными темными блюдцами и пылали, словно пожар. Весьма положительно жена нотариуса отзывалась и о его имени: она находила его чрезвычайно завораживающим.

И еще: глаза у него были с какой-то сумасшедшинкой, это многие заметили, не только

жена нотариуса. В целом, несмотря на все эти совершенно несущественные недостатки, а может, и преимущества, жену нотариуса чрезвычайно взволновал тот факт, что вездесущая мадам Гобзалова сразу же положила на него свой глаз. Она, видите ли, решила, что поскольку устроила ему протекцию, за смешные деньги поспособствовала съему хорошенькой квартирki, то ей и все козыри в руки. Повествуя об этих деталях, глаза у жены нотариуса становились колючими, щеки краснели, а руки быстро-быстро двигались в разные стороны.

Таких как Максимилиан в городе потихоньку прибавлялось, но неприязни среди горожан к новоприбывшим не ощущалось — они относились с пониманием к тому, что некоторые северяне не могут ужиться с той воцарившейся у них какофонией. Горожан больше занимали другие проблемы. Хотя до северного соседа было приличное расстояние через это озеро, они прекрасно осознавали пограничный статус своего города, а из средств информации знали, что войска на той стороне, включая как военно-морские, так и авиадесантные подразделения, время от времени приводились в состояние повышенной боевой готовности. Знали они и о том, что в случае необходимости скорость их продвижения — как по воде, так и по воздуху — будет достаточно

быстрой. Сомнений в этом не было совершенно никаких.

Итак, события, если верить заявлениям госпожи жены нотариуса, развивались просто замечательно. Правда, был один нюанс, но он поначалу практически не приносил каких-то особых неудобств. Дело в том, что на бирже требовали, чтобы все брокеры ходили в черных, наглухо застегнутых на пуговицы костюмах и в шляпах-котелках. Ибо только в таком старорежимном официальном виде можно было совершать товарные сделки. Представители сельскохозяйственных кооперативов, если брокер не был одет соответствующим образом, напрочь отказывались вступать в товарные отношения. Как и все селяне, они страдали излишней подозрительностью: если брокер не одет как следует, то как знать, не мошенник ли это? Руководство биржи, чтобы подстраховаться, даже решило, что и вне службы брокерам следует обязательно ходить в подобающем виде — исключительно при костюме, оно за этим строго следило, вплоть до увольнения за нарушение. Максимилиан, когда туда устраивался, об этих деталях не знал. Как и не знал о том, что летом в городе устанавливалась эта самая жуткая жара. Но пока, повторимся, стояла чудная теплая погода и особых неудобств ни в чем не прослеживалось.

Единственная закавыка в повествовании заключалась в том, что с данного момента, собственно прибытия Максимилиана в город, вся эта история, как справедливо замечала и даже настаивала на таком своем видении эта несколько взбалмошная дама с бальнеологического курорта, жена нотариуса, все более и более основывалась на отчасти сомнительных городских пересудах, отрывочных заявлениях множества задействованных лиц, отдельных письменных свидетельствах, и, таким образом, общая картина получалась достаточно пестрой. И была бы не совсем точной и полной, если бы не попытаться произвести хотя бы какую-то — естественно, непредвзятую — реконструкцию событий. С привлечением как можно большего количества источников информации, а возможно, даже и с непосредственным участием некоторых действующих лиц и, главным образом, самого протагониста. «Да-да, именно с участием самого протагониста!» — тут уж и мама бабушки настаивала самым решительным образом, тем более, что, начиная именно с того момента, когда температура в городе резко пошла на повышение, жена нотариуса уже начинала основательно путаться в своих свидетельствах, а некоторые из них были попросту противоречивыми. Ничего не поделаешь — влияние жары...

Нет, ну кое-что она, жена нотариуса, совершенно точно помнила, ну, например то, что вид у Максимилиана в этом черном костюме был очень интригующим. Когда он попадался на пути, в частности, дородных дам, они непременно приостанавливались — якобы для того, чтобы что-то друг дружке сообщить на ушко или же складку какую на туалете поправить, а сами потом оглядывались в сторону уходящего Максимилиана и весьма живо перешептывались.

— Не думаю, что что-то там такое... особенное они могли придумать... — каждый раз говорила одно и то же жена нотариуса. — Дородным всегда невдомек, как вообще можно таким худым быть. Скорее всего, они весьма определенно высказывались по двум позициям. Первая: «Эх, откормить бы!». И вторая: «Но вот имя какое завораживающее — Максимилиан...» Во всяком случае, мне именно так кажется...

1

И даже на высшем городском уровне к Максимилиану отнеслись благосклонно, тем более что никаких подозрений относительно его возможной причастности к разведывательным структурам сопредельного государства не возникало. Ну, какой из него может быть северный

шпион? Тут у двух крупных чинов — комиссара полиции и начальника службы безопасности — мнения сошлись, а это у них редко случалось.

— Юноша практически — и разведчик? Это еще что за новости? — без тени сомнения заявил на совещании у префекта комиссар полиции.

Начальник службы безопасности в знак согласия закивал головой:

— В тридцать лет можно быть. И в сорок. А в более «продвинутом» возрасте — так и вообще... — добавил начальник службы и свое веское слово. — Даже дедушкой можно быть преклонных лет и вполне успешно вести разведывательно-подрывную работу. Но так, чтобы наоборот... Тут опыт нужен, без него — никак.

— А вот имя, кстати, такое... ну, не совсем, что ли... — вступил в обсуждение старший сержант Вожелка. Его не очень высокое звание, может, и не совсем соответствовало совещанию такого уровня, но он был их непременным участником, как-никак пятнадцать лет именно старший сержант Вожелка отвечал за «наружку» и филеров по всему городу.

— А что? Обычное имя, — совершенно справедливо заметил господин префект. — Для региона наших стран — каждый десятый с таким именем.

— Да-да, я поручал моим людям свериться, — немного потускнел комиссар полиции. — Что

правда, то правда — в имени ничего необычного не усматривается, вот только ни единого человека с таким именем у нас, в многотысячном городе, отродясь не было.

— Вот как? Весьма презанятно. — Господин префект и в самом деле был чрезвычайно удивлен.

— Ну вот. Ведь это же очевидно, — стал наступать старший сержант. — Не доведет до добра эта маленькая деталюшка. Того и гляди, хлебом горя... И так их насобиралось уже, эмигрантских этих...

— Ну-ну-ну... — поспешно перебил его господин префект. Он прекрасно знал, что в таких случаях старшего сержанта лучше перебить в самом начале, не то Вожелку понесет на слишком далекие расстояния. — Смею обратить ваше внимание, что вы иногда сгущаете краски. Я понимаю — у вас работа такая, но все же.

— Зато с точки зрения идентификации, так просто превосходно. — Начальник службы безопасности посчитал, что в самый раз будет, если он опять что-то скажет толковое. — Ну, мало ли что в жизни может случиться...

— Конечно, за него похлопотали, — доверительно сообщил комиссар полиции. — Его дядюшка — какой-то солидный коммерсант у нас в столице. Он и пристроил его к нам на биржу. А еще мадам Гобзалова тут такую деятельность

развернула...

— Знаю, знаю, господа, — вклинился господин префект. — Ох уж эта вездесущая мадам Гобзалова!

— Господа, вы меня простите, но я никогда этих блатных не любил! Никогда! Тем более учитывая наши сложные климатические условия!

— Согласен с мнением господина Вожелки, — воодушевился начальник службы безопасности и сразу же достал из папки какую-то бумагу. — Вы только послушайте, что мне пишут в секретном донесении! Вот... вот, что пишут... «Северяне полагают, что высокая температура приводит к бескрайнему романтизму и неоправданной мечтательности, люди становятся вялыми, расхолаживаются, и в таком состоянии их легко покорить. Стоит выслать в каждую провинциальную столицу по небольшой группе с виду неприметных людей — и через два-три месяца они наладят отношения — посредством денежных выплат, разумеется, — с местными из числа недовольных и криминалитета, а уже через полгода можно будет в одночасье занять все главные административные учреждения. Равно как и резиденции губернаторов, и... — начальник службы немного замешкался, но, пересилив внутреннее сопротивление, продолжил: — и... префектов».

Господина префекта сразу же передернуло, и он взялся рукой за щеку — это был признак, явно свидетельствующий о его глубокой озабоченности.

— Они сразу две проблемы решают, — продолжил начальник службы. — У себя таким волевым решением, я имею в виду обустройство Стены, еще более холодную погоду устанавливают, ибо полагают, что в прохладном и даже в холодном климате дух и тело содержатся в идеальной форме и человеческие особи всегда готовы к изъявлению решительных действий. В свою очередь, нам устраивают еще более жаркий климат. Даже, можно сказать, прикладывают руку к созданию особой удушливой атмосферы, ибо они истово верят в то — как я уже выше и упоминал, — что в жарком климате люди расслабляются, все их чувства притупляются, в особенности чувство ответственности и патриотизма сползает к нулевой отметке, следовательно, их — то есть нас — будет легко завоевать. Открыто об этом, конечно, ни слова не звучит, наоборот, они каждый раз заявляют, что испытывают к нам исключительно дружеские чувства. Вот, господа. Это не какой-то там шлецик пишет, а чрезвычайно уважаемый агент!

— Вот видите! Вот видите! — вскрикнул старший сержант Вожелка. — Мои люди тоже подобные настроения среди определенных кругов

нашего населения фиксируют!

Вожелка еще хотел что-то добавить в таком же непримиримом духе, но комиссар полиции уже давил ему своей ногой на ботинок. Он-то прекрасно заметил, насколько эти слова расстроили господина префекта. Такие донесения его всегда страшно расстраивали. Повисла тишина. Наконец господин префект отнял руку от щеки, несколько вытянул губы трубочкой — это свидетельствовало о скором изречении довольно разумной мысли, и вымолвил:

— Понимаете ли, господа, все это имеет место быть. Это правда. Но правда и то, что ничего нового в этом нет. Ну, полагают они... ну, заявляют о своем якобы дружеском к нам расположении. Но, господа, наши аналитики эти послы, слава богу, уже давно легко научились расшифровывать!

Господин префект снова несколько вытянул губы трубочкой, что опять свидетельствовало о скором изречении еще одной довольно разумной мысли.

— И потом. Это вам к сведению — всем вам, ну, и, в какой-то степени, к руководству, разумеется: мадам Гобзалова лично с министром относительно этого молодого брокера — как вы говорите? ах да, Максимилиана — переговорила. Так что тут мы должны в одной линии с министром как-никак следовать... — Господин префект держался за свои щеки уже обеими руками, в

который раз вытянул губы трубочкой и тут же подкорректировал себя: — Будем, будем следовать, однако параллельно и бдительности терять не будем. Собственно говоря, у нас их — прибывших отсюда — поднасобиралось маленько, это правда.

Старший сержант Вожелка уже было открыл рот, чтобы озвучить цифровой материал — у него он был самый точный и свежий, но вновь ощутил под столом довольно сильное надавливание на свой правый ботинок.

— Но не так, чтоб уж совсем критически. — Обе руки господина префекта оторвались от его щек. Это свидетельствовало о том, что уровень его обеспокоенности сошел на нет. — И все, слава богу, благонадежные. Так что пусть живут... — на этой благодушно-разрешительной ноте совещание и было закрыто господином префектом.

2

Я тут уже вторую неделю, к чему-то привык сразу, а к чему-то все никак не могу. Но надеюсь, что со временем все образуется. Жители своим городом гордятся и постоянно называют его то изумительным, то великолепным. В общем, это так. С одной стороны к городу подступает целое море воды — Великое Разделительное озеро, тут его сокращенно называют ВРО. Удивительное дело, как

эти каких-то тридцать километров водной глади прямо-таки чудовищным образом разделяют наши страны. Пару часов на корабле, минут десять лету, а насколько все разное...

Если бы только озеро! С той, бывшей моей стороны, громоздится высоченная горная гряда, и это тоже, скорее всего, играет важную роль. Множество рек и речушек несут свои воды с этой гряды и впадают во ВРО, а вытекает из него всего одна, но бурная и полноводная река, и проходит она через наш город, так что здешнему правительству пришлось провести целый комплекс мероприятий: соорудить по ее берегам прочные дамбы и каменные набережные, обустроить в ее начале шлюз, а ниже по течению предусмотреть резервно-аварийное водохранилище. Довольно сложное гидрографическое хозяйство, мне с этим еще предстоит разобраться. В общем, красоты тут неопишуемые, и можно сказать, что все пока складывается хорошо, вот только температура воздуха постепенно ползет вверх и это начинает ощущаться.

И вот что еще меня несколько пугает: говорят, что тут не просто жарко летом, а иногда в этих местах случаются так называемые «африканские прорывы». Тут этот термин используется в тех случаях, когда из Африки доходят порывы сирокко. Тогда даже Средиземное море — а это 500–600

километров — не является преградой для этого удушающего, обжигающего ветра. Раскаленные воздушные потоки несут сахарский песок и мелкую дисперсную пыль, но самое ужасное заключается в том, что все эти массы воздуха упрутся в горную гряду и с этим удушливым и застойным состоянием нужно как-то справиться. Горожане говорят, что это, пожалуй, самое сложное в их жизни и что с этим нужно уметь справиться. Все проходят через этот непростой период, а потом все налаживается. Так что, вроде, ничего особо ужасающего нет. Просто интересно, а как у меня с этим всем получится?

А вот с общением проблем не наблюдается: у нас хоть и разные языки, но многовековое соседство заставило нас — как по ту сторону, так и по эту — овладеть обоими. Другое дело — акклиматизация. Если бы я приехал сюда зимой или же ранней весной, то у меня было бы на это время. Но так уж получилось, что сейчас весна на исходе, и чувствуется, что лето будет жарким!

С работой я освоился сразу, во время стажировки я освоил многие нюансы — группы товаров, котировки, — все это было мне знакомо. Вообще-то дядюшка запросто мог бы устроить меня и на столичной бирже, однако там нужно было идти на вакансию начинающего брокера, а тут он договорился о том, что я сразу стал брокером

полноценным. И перспектив тут больше. И вообще дядюшка полагает, что мне нужно начинать самостоятельную жизнь и ни на кого не полагаться, а живя бок о бок с ним, я ее — свою самостоятельную жизнь — никогда не начал бы.

Что касается биржи, то тут существует давнишняя традиция: все ее служащие обязаны все время ходить в своеобразной униформе: черный костюм из грубошерстной ткани, белая рубашка с жестким воротничком, шляпа-котелок и кожаные ботинки. Костюм из плотной твидовой ткани, такие же груботканые рубашки, такой же тяжеловатый котелок. В первое же утро мне это одеяние и выдали под расписку, а также вручили экземпляр Генеральных правил поведения брокера. Этих правил целый свод, на всю неделю чтиво мне обеспечено! Правда, вне службы разрешалось не надевать форменный костюм, но начальство строго-настрого предупредило: все равно это должен быть костюм, пусть другого какого-то цвета и пусть не из такой плотной ткани — но все же костюм! Веселенькое дело — плотная ткань и в жару! И потом, после работы, все в теннисках, легких брюках, некоторые даже и в шортах, а ты — в костюме! Уже сейчас, в конце мая, по всему видно, что июнь будет очень жарким месяцем. А что будет в июле? Страшно подумать! Здесь это, пожалуй, самое знойное время в году. Говорят, что

жара стоит невыносимая, все тело становится липким и такое возникает ощущение, будто тебя с ног до головы измазали оливковым маслом и выпустили на улицу.

Господин управляющий встретил меня очень приветливо, подробно расспрашивал о дядюшке, принял самое живое участие в вопросе моего обустройства.

— Как вы, кстати, устроились?

— Пока в гостинице.

— Это не дело, вам нужно побыстрее найти квартиру.

И тут же набрал по внутренней телефонной связи директора департамента человеческих отношений.

— Вот что, милейший, окажите всяческое содействие нашему начинающему брокеру: помогите ему подыскать квартиру, кого-нибудь с хорошей репутацией для ведения хозяйства и вообще — пока, в первые дни, не загружайте работой.

Так и получилось: с самого утра я заполнял в департаменте разные бумажки и уже через час-другой меня отпускали. Директор департамента предостерег меня:

— Непременно старайтесь успеть со всеми разъездными делами до двенадцати часов. Либо уже после шестнадцати возобновляйте. А то жара

вас одолеет.

Я так и делал — утром вместе с представителем агентства по недвижимости отъезжал смотреть предлагаемые квартиры. И портного мне хорошего предложили: за два захода он подогнал на меня униформу. В ней я пошел в фотоателье — департамент человеческих отношений изготовит мне удостоверение. На карточке я показался не совсем на себя похожим. В жизни я выгляжу более привлекательным и интересным, вот только очень худой.

Рядом с моим столом оказались столы двух довольно обходительных молодых людей моего возраста — одного зовут Врано, а второго — Ладислас, оба они такого же высокого роста, как и я. Мы с ними довольно быстро сошлись и уже через пару часов были на «ты». За нашими столами мы не засиживаемся, это такая работа, что нужно носиться по главной зале как угорелому, постоянно выкрикивая, соглашаешься ты на эту котировку или нет, какую цену сам предлагаешь, все время нужно записывать цифры в блокнот, чтоб не сбиться, и все для того, чтобы что-то купить подешевле, а потом это же самое продать повыгоднее, и делать все это нужно чрезвычайно быстро.

В одиннадцать часов мои соседи сказали, что у нас есть законные пятнадцать минут на то, чтобы сбегать через пару кварталов в кафе — выпить

чего-то холодненького и чем-то перекусить. Они переглянулись между собой и сказали загадочно: «В «тематическое» Максимилиана поведем, куда же еще для начала?»

На улице уже было нестерпимо: жара ударила мне прямо в лицо, я почувствовал, как рубашка стала прилипать к телу, — хорошо еще, что мы держались теневой стороны улицы. По пути я обратил внимание на какой-то странный автомат «Дышать — кислород!», но мы шли быстро и о чем-то справиться не было никакого времени. Тем более что мои новые друзья и так все время вводили меня в курс дела.

— В городе уйма ресторанов, кафе и прочих локалей. Всякие цукрарни, винарни, пиварни и просто забегаловки — на каждом углу, — объяснял Врано. — Но наиболее известными достопримечательности являются два кафе: «Желтый дом» и «У каторжан» — это самые старые заведения города. Начиная со средних веков, сюда — как в город пограничный — ссылали две категории населения: умалишенных и приговоренных к каторге. Считалось, что если северному неприятелю вдруг и удастся завладеть этим городом, то страна многого не потеряет — конечно, лишится части своей территории, что печально, а вот что касается «человеческого материала», так кто в те дикие времена держал

умалишенных и каторжан за полноценных людей?

— Однажды мэр-социалист попытался их переименовать — под предлогом того, что эти названия якобы унижают честь, достоинство и прочие возвышенные права вверенного ему населения, но оказалось, что оба заведения намертво внесены в Перечень объектов мирового достояния и государству пришлось бы выплатить международному сообществу огромный штраф. К тому же и сами горожане жутко воспротивились. — Ладислас сделал паузу, а потом продолжил: — Представляешь, всю жизнь они и их предки посещали «Желтый дом» и «У каторжан», а теперь должны ходить в какие-то банальные «Петух с курицей», «Поросячья нога» или и в того более безликое «Аппетитное». Потому как у властей на какие-то оригинальные названия вряд ли хватит ума. Ну, вот и «Желтый дом» — это кафе к нам ближе находится, а к «Каторжанам» еще целый квартал отсюда, оставим их на послеобеденный период.

В «Желтом доме» была модная вращающаяся дверь — по одному она нас поглотила вовнутрь. Одну за другой кельнер швырнул в нашу сторону три ледяных салфетки, раздавать по одной и при этом отвешивать легкий поклон у него не было времени — сразу за нами в кафе ввалилась целая толпа наших биржевиков. Мы начали протирать

лица и руки, сразу сделалось легче. Между прочим, и тут тоже стоял автомат «Дышать — кислород!» Я заинтересовался:

— Что это за штукавина такая?

— Последний американский писк. Иди сюда, — Врано взял из стопки дезинфицирующую салфетку и протер ею маску. — Ходишь по городу и вдруг чувствуешь — тебе кранты. Кинул монетку, прильнул к маске, зарядился кислородом и пошел дальше как ни в чем не бывало.

Он бросил монету в отверстие и без всяких церемоний втиснул мое лицо в маску: «Дыши!».

Вначале я ничего не понял и не оценил — такое было впечатление, что вдыхаешь очень холодный воздух без какого-либо запаха и вкуса, потом вдруг начало сдавливать виски, даже глазам стало больно. Через минуту послышался щелчок, и Врано оторвал меня от маски. К маске прильнул Ладислас, затем сам Врано. И только тогда я почувствовал — у меня вдруг появляются какие-то новые силы, дыхание стало ровным, глубоким, а легкое головокружение сменилось приятным ощущением распираания грудной клетки.

— Здорово, — восхитился я. — Теперь не пропадем.

— Пока дышим. Что будет дальше, неизвестно, — урезал мои восхищения Ладислас. — Биржевый комитет по этике пока не определился.

Там одни стариканы-консерваторы, не исключено, что запретят как неподобающее брокеру положение «лицом в маску». Ну и, естественно, как такое, что идет вразрез с замечательными средневековыми традициями биржи.

Я огляделся по сторонам и понял, почему это заведение называют тематически направленным. Все стены «Желтого дома» были увешаны картинами признанных мастеров, обрамленных в золоченые рамы: портреты и зарисовки знаменитых идиотов всех времен и народов — рассматривать можно часами. Довольно много и пейзажей, но непременно на каждом из них должен был быть изображен хотя бы один — пусть и неказистый — идиот. Не обязательно, чтобы он был на первом плане, второй план тоже учитывался. В рамках под стеклом сохранялись их медицинские карточки с диагнозом, течением болезни и информацией о том, какие врачебные методы к ним применялись. Мне показалось, что некоторые из этих методов явно смахивали на экзекуционные, но я пока не стал углубляться в это столь предметно. Самой безобидной была запись в карточке одного пациента: врач спросил его, почему он бьется головой о стенку, а тот ответил: «Когда перестаешь, то такое чувство возникает — его трудно описать, господин доктор, — прекрасное какое-то, даже возвышенное и, кстати, очень хочется жить

дальше!»

Одним словом, начало было многообещающим, может, даже чересчур. Я поинтересовался:

— Ну... если тут так... То как же тогда «У каторжан»?

— Что касается «Каторжан», то там тоже не менее интересно, — пояснил Ладислас. — Скрупулезно отобраны их рисунки, какие-то поделки, даже есть несколько стихотворений, написанных каторжанами в моменты озарений. Все это богатство — считается, что это один из компонентов нашего культурного наследия, — тоже давно уже обрамили. Туристов в этих двух заведениях видимо-невидимо — прибыль городу существенная.

Обслуживающий нас кельнер характерной восточной внешности принял заказ с типичной для его родных мест привычкой не глядеть клиенту в глаза. Одет он по форме, но небрежно. Рубашка помята, галстук в пятнах от ресторанной еды, фартук повязан криво. Все это, может, потому, что он уже далеко не молод и ему надоело следить за собой? И вообще, складывалось ощущение, что он существует совершенно отдельно от нас. Как для туристического места — так несколько странно. Врано поймал мой взгляд и прокомментировал:

— Н-да... Вот так-то... Я с твоим не

озвученным мнением полностью согласен. Мы сами не можем понять: то ли это ресторанный политика такая, то ли что-то другое. А на чай придется все же дать. Попробуй не дать — взглядом испепелит... потом целый день больной ходить будешь... Восточные привороты, с этим поосторожнее надо.

— Десять — одиннадцать часов — это очень интересное время. — Мои новые друзья не жалели сил для объяснений. — К одиннадцати в кафе стекаются все: и те, кто работает, и те, кто имеет возможность не вкалывать. В это время жара еще не набрала обороты, вот все и общаются какой-то час-полтора. Мы, правда, раньше уходим — нам на службу, а они еще с часик сидят, болтают, газеты читают, в игры играют, радио слушают или шлягеры из музыкального автомата. А в двенадцать тут уже никого нет, потому что такси в городе до двенадцати и работают, ну, может, чуть позже. Одним словом, к двенадцати все разъезжаются.

— Вон смотри, там в глубине зала — мадам Гобзалова. Из эмигрантских. — Ладислас скопился в мою сторону, мол, не уязвил ли он и мои собственные эмигрантские чувства? Но я и глазом не повел. — Довольно известная особа в городе. Ее муж то ли где-то плавает, то ли разведчиком промышляет — мы его никогда не видели, но она утверждает, что он у нее точно есть. Как бы там ни было, а деньги у нее имеются: она постоянно в

самых лучших местах. И туалеты у нее потрясающие. Говорят, имеет слабость к худеньким и молоденьким. Берегись, Максимилиан!

Я хотел что-то сказать по этому поводу, в общем-то, у меня чуть уже не слетело с языка, что я — хоть и не знаком с мадам Гобзаловой лично — прекрасно осведомлен и о ней самой, и о той роли, которую она недавно сыграла в моей жизни, но в последний миг спохватился — благоразумнее будет воздержаться от комментариев. Мадам Гобзалова нас уже заметила и энергично махала мне рукой, призывая подойти к ее столику.

— Ну вот, что мы тебе говорили? — воскликнул Врано. — Это, конечно, не в ее стиле, мадам Гобзалова — особа сдержанная, но идти тебе придется, парень...

Мадам Гобзалова смотрела на меня с широкой добродушной улыбкой, слегка выпростав вперед левую руку. Я подхватил ее и прильнул к ней губами.

— Madame...

— Enchantée, monsieur... Maksimilian — puis-je ainsi?... Je suis vraiment enchantée.

— Et moi aussi, madame, je suis très enchanté! J'aimerais aussi vous remercier pour votre assistance...¹

¹ — Мадам...

— Пустое... Ну вот, милости просим к нам в этот чудный город. Присаживайтесь, жаль, что только на минутку, — вы ведь с коллегами.

— У вас такое чудное французское произношение, — я решил, что в данной ситуации мне никак не помешает вернуть какой-нибудь комплимент, тем более что произношение у мадам Гобзаловой и на самом деле было безупречным, — признаться, я не очень большой знаток в этом деле, но мне кажется, что настоящее парижское.

— Мы же там и осели после катастрофических событий, как-никак десять лет прожили.

— Вот как? Очень интересно! Наверное, после Парижа тут... — и я не стал на всякий случай продолжать дальше.

— Видите ли, французы — очень милые и хорошие люди, но... но и народцем оказались чрезвычайно специфическим: уверенные в своем превосходстве до абсурда, чрезвычайно переменчивые, блюдут исключительно свои интересы, а это, как известно, является отличительной чертой всякой крестьянской

— Очень приятно, господин... Максимилиан — можно так? Я очень рада.

— И я также, мадам, очень, очень рад! Я хотел бы вас также поблагодарить за вашу поддержку... (франц.)

идеологии. И потом, вечно они с кислыми минами, постоянно чем-то недовольны, иногда создавалось впечатление, что они раскрывают рот исключительно с целью на что-нибудь пожаловаться. Знаете, сказывается ведь, буквально на самочувствии сказывается, виноватым себя чувствуешь в какой-то степени, впечатление такое было, что это именно из-за нас они так некомфортно себя чувствуют у себя же дома...

Мадам Гобзалова завершила эту тираду и протянула мне крошечную вазочку с конфетами.

— Ну вот — нажаловалась. Представителей такой великой нации втоптала в грязь. Словно у нас самих никаких изъянов нет. В общем-то, это давняя болезнь собственного превосходства. Британцы, немцы, французы всегда ощущали себя особенными народами, отличающимися от остальных. В эту компанию итальянцы хотят прорваться, но не получается... Да, и о Париже вам хотела сказать: слишком красивый город, чтобы в нем жить. «Опасность» еще и в том, что эта ежедневная красота буквально впивается в поры и уже перестаешь ее чувствовать. Думаю, что в красивые города гораздо правильнее будет, по моему мнению, наезжать время от времени. Тогда эта красота будет оглушать снова и снова, и каждый раз будешь испытывать новый восторг. Вы какого мнения?

— Не знаю, мадам, я ведь еще не был.

— Побываете! Всему свое время. И в Париже однажды окажетесь. Ах, вот, — спохватилась мадам Гобзалова, — угощайтесь! Я хочу, чтобы вы попробовали эти изумительные конфеты: огромная засушенная слива — угорка называется, — пропитанная ликером и закатанная в шоколад! Местный специалитет. Нигде такого нет!

Мадам Гобзалова продолжила прерванную мысль:

— А тут... да тут все по-другому! Я уехала и нисколько не жалею. Масштабы, конечно, не те и контекст не тот, само собой разумеется, но все равно это большой город — со своей спецификой. Весьма своеобразный — с пунктуальностью тут не всегда в ладах, слово не всегда держат, ну и прочие детальки. Южный, знаете, расслабленный образ существования. И в этом, кстати, есть своя прелесть. Да и других прелестей куча — вот увидите! Одно только то, что вечером можно сесть на поезд и утром следующего дня — ты уже на Адриатике! Просто чудо! И вообще, тут все как-то по-средиземноморски устроено, мне это очень импонирует. А еще — государство тут либеральное, а ведь это много значит. Более того, совершенствуется на этом пути. Немаловажно и то, что язык понятен, — корчиться нет необходимости да и интегрироваться на все сто процентов

неактуально. Но самое главное — тут душевно. В общем, чувствуешь себя как дома — и это было решающим для переезда. И потом... еще один дополнительный момент — тут никогда ничего не происходит... Вы знаете, это просто замечательно!

Мы улыбались друг другу и молчали, не знаю почему, но это было так здорово — улыбаться и молчать с мадам Гобзаловой. Меня даже несколько не смутило вот это выскользнувшее из ее уст несоответствие: «мы прожили» и «я уехала» — просто интересно, что бы это могло значить? И потом, неужели французы такими бьяками оказались, что нужно было спастись от них чуть ли не бегством? Но сейчас я больше думал о другом: я скорее фантазировал, какое у мадам Гобзаловой могло быть первое обо мне впечатление. «У этого Макса живые серые глаза, волосы цвета темноватой соломы, лицо гладкое, без каких-либо следов особых страданий, — вот что, скорее всего, думала мадам Гобзалова, глядя на меня в эти первые секунды нашей встречи. — И все же в нем безошибочно угадывается какое-то беспокойство...»

Я тоже смотрел — хотя более дискретно — и тоже составил первый портрет: такие же живые глаза меняющегося цвета, лицо очень приятное, тонкие губы, волосы русые, ухоженные — прическа идеальна. В лице не читается никакой горечи, а

если она и присутствует, то это тщательно скрывается. На МГ — ну, это я для краткости — легкое розовое платье пастельного оттенка — все, как и подобает даме ее возраста и положения. Руки тоже ухоженные, неброский маникюр, на левой — часики от Картье, а что касается украшений, то она носит неброский комплект — но, какой! — ниточка ожерелья, сережки и кольцо из черного морского жемчуга!

Изысканность и элитарность — вот два главных характеризующих слова. По всему видно, что она в полной мере обладает высшим качеством, которого все так хотят от женщины, — манеры держаться. Но, пожалуй, более всего бросалось в глаза, насколько она была изящная, воздушная какая-то, ей нельзя было дать никакого количества лет... Естественно, этот вопрос неминуемо атаковал меня со всех сторон — сколько же МГ лет? — но каждый раз я его безжалостно от себя отгонял и, таким образом, оставлял даже без попытки гипотетического предположения. Во-первых, у таких женщин — к такому выводу я пришел давно — нет возраста, а во-вторых, мне было бы крайне неприлично задаваться таким вопросом о даме, которая так мне помогла, даже в мыслях.

— Я знаю, что вы пока в гостинице. Но они вам ведь подыскивают что-то? Впрочем, думаю, что лучше мне самой этим заняться, вы только им не

говорите — посмотрим, у кого что получится, — МГ засмеялась негромким, неназойливым, каким-то исключительно приятным смехом. — Вот моя карточка. Звоните, когда хотите. И вообще, нам бы увидеться без особого промедления и потолковать, что вы на это?

МГ не стала дожидаться моего ответа.

— Бегите к своим. Вы все-таки на службе. До скорого.

Она пожала мою руку своей левой рукой, от сердца.

Когда после кафе мы выскочили на улицу, там уже было гораздо меньше народу, практичные горожане уже начинали постепенно расходиться. Вернуться с улицы на биржу было настоящим счастьем. Стены ее здания были настолько толстыми, подвалы столь глубокими, а эти новомодные охладительные машины так исправно работали, что внутри образовывался особый микроклимат и в здании было совсем не жарко — можно было ходить хоть в трех черных пиджаках. Но попробуй выйти из здания — и ты проклинаешь все на свете!

— Ну и жарища! — кручу я головой, обращаясь одновременно к Врано и к Ладисласу. — Чувствую, что мне нелегко будет это перенести: такие температуры да еще и эта униформа.

— Да, летом тут адское пекло, — согласился

Ладислас.

— Значит, и для вас тоже?

— Ну конечно, — говорит Врано. — Мы тоже страдаем.

— Так как же вы — и другие тоже — как вы умудряетесь выдерживать все это?

— Ну, мы все-таки южане. Жара нас донимает, но мы привычные. И потом, большинство брокеров устроились по линиям двух трамвайных маршрутов — им легче, а те, кому линии не подходят, после того, как биржа закрывается, добираются домой перебежками. Точно так же и мы поступаем. Нам, к сожалению, ни одна из линий не подходит. Так что единственный выход — это перебежками.

— Так и живем, — подтвердил эти слова Ладислас.

«Перебежками» — на меня это слово произвело впечатление. Итак, и Врано, и Ладислас живут вдали от трамвайных маршрутов. Но они выработали себе вариант: добираются домой благодаря этим «перебежкам». Выбегают из биржи и сразу в «Желтый дом». Там можно выпить чего-нибудь прохладительного, а то и подкрепиться основательно, зарядиться этим для следующей перебежки. Потом по теневой стороне — «всегда держись теневой стороны», они меня постоянно об этом предупреждают — перебегают к

«Каторжанам». Там тоже освежаются, приходят в себя, потом еще одна-две перебежки — и вот ты уже дома. А дома эту униформу с тела прочь. Неплохо.

— Ты, кстати, о том, что униформа тебя донимает, не очень-то распространяйся, понял? — предупредил меня Врано.

— Но почему нельзя сдвинуть часы работы? Устроить все так, как и в других учреждениях?

— Что ты?! — это же вековые традиции. А руководство очень суеверно. Оно боится, что если хоть что-то нарушить, так у биржи начнутся тяжелые времена. И все тут начнет рушиться.

— Ах, вот оно что...

— Мы в этом плане самые несчастные люди в городе. Об этом все знают. Но все знают и о другом: у нас самые высокие по городу заработки. И потом, никто тут никого за рукав не держит, если кто-то уходит, так на освободившееся место десятки желающих претендуют.

— Понял. Но почему нельзя послать за такси и нормально разъезжаться по домам?

— Что ты! Никому такого не говори! Их профсоюз десять лет с муниципалитетом сражался за то, чтобы и таксистам предоставить право на сиесту. Все это проходило под лозунгом «Таксисты тоже люди!». Так что тут нет никаких вариантов.

— Ну что ж, ничего не остается — попробую

и я перебежками.

— Конечно, тебе тоже придется с перебежками. Вдоль маршрутов трамваев никакого свободного жилья уже давно нет, только определишься с квартирой, так мы сразу же к тебе устроим совместный показательный пробег! Главное — не унывай!

Поступление котировок задерживалось, это мне было на руку. Я взял чистый лист бумаги и начал строить что-то наподобие временного графика: от биржи до «Желтого» бежать три минуты, освежиться там чем-нибудь и отдышаться — пять минут; перебежка к «Каторжанам» побольше времени отнимет — все пять, а то и шесть, там тоже пять минут понадобится на то, чтоб прийти в себя. Я вынул из ящика план города, чтобы рассчитать по времени и все мои последующие передвижения, как тут на моем столе зазвонил телефон — мне сообщали из Человеческих ресурсов, чтобы я срочно спускался вниз: мы опять едем смотреть мне очередное жилище.

3

С квартирой что-то не складывалось — два дня, что мы с департаментом человеческих ресурсов осматривали предложенные риелторами

варианты, результатов не принесли. А вот сегодня, только мы вернулись с коллегами из кафе, как мне передали снизу: «Вас срочно просит спуститься мадам Гобзалова». Я выскочил на улицу, она уже меня поджидала в машине: оказывается, у нее есть для меня неплохое предложение. Да еще и с человеком, который будет вести мое хозяйство.

— Нужно срочно ехать, это просто удача. — МГ тронула водителя за плечо, и мы поехали.

В итоге я неплохо устроился — в престижном квартале, правда, обе трамвайные линии, как меня и предупреждали Врано с Ладисласом, проходили стороной: еще до входа в парк линия А уходила налево, а линия В — направо, так что путь на биржу мне придется проделывать пешком. Ну, а обратно — вот этими самыми перебежками.

— Но это же превосходно! Утром — прогуляться пешком, а после службы пробежаться — что может быть лучше! Придаст тонус на целый день! — приободрила МГ. — Движение и еще раз движение, *chéri!*²

Нет, я совершенно не возражаю против движения. Просто утром подобное движение куда еще ни шло: солнце не успевало накалить асфальт и здания, а вот в полдень — боюсь, что движение

² дорогой (франц.)

будет проблематичным. Ладно, время покажет. Во всяком случае, не буду же я сейчас нюни распускать перед МГ!

А квартирка — я решил, что именно так буду ее называть, — мне и впрямь очень нравится. Не большая, но и не маленькая — как раз то, что нужно для жизни. Еще мне очень повезло с человеком, который будет обустраивать мне быт. Его зовут Жан. Лет под пятьдесят, может, чуть старше. Низкого роста, коренастый такой крепыш. Непонятно, была у него семья или нет. Неопределенной национальности и пока что непонятно, каких корней, но все это неважно — тут всех национальностей намешано. У нас с ним как-то сразу заладилось, приятная неожиданность! Сразу видно, что Жан не будет задавать никаких вопросов, к своим обязанностям будет относиться с ответственностью, все у него будет четко и аккуратно. Чувствуется, что если вдруг мне понадобится помощь, то он это выше своих интересов поставит...

На биржу я уже не возвращался.

— Обустройство, значит обустройство, — резюмировала МГ, — никто тебе, Макси, и слова не скажет. Ой, я хотела сказать «вам» и «Максимилиан», простите.

— Да и время такое, они там скоро будут заканчивать, — подтвердил Жан.

Оказывается, МГ прихватила с собой корзинку с фруктами и бутерброды, а у Жана уже было припасено ведерко с шампанским, втроем мы тут же обмыли мое новоселье. К концу нашего застолья МГ уверенно называла меня на «ты», чего нельзя сказать о Жане. Как и каждый профессиональный камердинер, он держал почтительную дистанцию.

Но вот и вечер, температура спала и заметно полегчало. Вообще-то, это уже мой четвертый душ, а я ведь никуда не выходил. Скорее бы ночь, тут ночь — это чудо, тут ночь — благо. Жан словно читает мои мысли.

— Охладительная машина только одна — еще не натянуло на всю квартиру, это дело нескольких часов. И потом, скоро будет ночь, а ночи у нас всегда нежаркие — рядом ведь такое большое озеро. Оно всегда приносит свежесть.

Жан убрал со стола все лишнее, накрыл его тонкой прорезиненной скатертью.

— Вы говорили, что будете еще что-то рисовать?

— Минут десять-пятнадцать всего, поздно уже. Просто хочу один эскиз набросать, чтобы не забыть. А то назавтра из головы все выветрится и не вспомнишь.

— Эта скатерть как раз для рисования — специальный состав: даже если краска попадет, все

легко смывается.

Возиться с красками было лень, да и не нужны они мне сейчас — сделаю карандашный набросок и достаточно. Я распрянул лист ватмана, разложил карандашные наборы — все привычно для меня и все обычно. Еще со школьных лет я увлекся дизайном одежды. Меня, скорее, не пошив собственно одежды занимал, а конструирование ее моделей, подготовка эскизов. А еще меня страшно привлекала работа над мужскими аксессуарами: наручные часы, запонки, зажимы для галстуков, браслеты, перстни, портсигары и портмоне — все это мне было в высшей степени интересно! В старших классах я уже наработал кучу эскизов, освоился с «Зингером» и мог пошить себе практически любой вид одежды. Более того, я и деньги кое-какие мог тогда уже зарабатывать — со мной подружился все школьные модницы и модники!

Потом, когда я уехал на учебу в столицу родины, у меня появилось гораздо больше возможностей. Иностранные журналы мод стали попадаться, но чаще я ходил за редкими иностранцами, что к нам приезжали, и делал зарисовки того, в чем они были одеты. Не обходилось и без курьезов — некоторые принимали меня за какого-то подозрительного агента и пытались от меня убежать, но в основном они

относились благосклонно и, узнав об этой моей страсти и о том, что я студент, а значит, человек небогатый, кое-что мне даже и дарили. Естественно, в итоге все это вылезло мне боком: меня стали тягать в одну организацию и угрожать, что если я не стану их информатором, то и институт не закончу, и в трудовую колонию они меня определяют. Наконец, родителям удалось найти какие-то высокие связи и от меня отстали — у нас это называется «отмазали» — при строжайшем условии, что я ни к одному иностранцу ближе как на сто метров ни разу в жизни не подойду. Пришлось смириться и работать в основном по наитию.

Я удовольствовался тем, что сделал пару быстрых набросков — именно для того, чтоб зафиксировать несколько моих сегодняшних впечатлений, не более того. А конкретно с этим материалом можно поработать и позже. Сейчас все-таки не это главное. Главное сейчас — это хорошенько отдохнуть! Как-никак, у меня завтра ответственный день — первый полноценный рабочий.

Как-то он у меня сложится? Я начал осмысливать ситуацию: говорят, что в четырнадцать часов попросят убраться с работы, в кафе тоже не пересидишь — сразу после того как разбегутся брокеры, они, на часы сиесты, все

закрываются. В городе в эти часы все вымирает. Ситуация патовая, и выход, в общем-то, самый жесткий — каким-то образом все же прорываться домой. Ладно, не буду сейчас с этим заморачиваться. И потом, зачем мне заниматься поисками выхода из ситуации — ведь Врано с Ладисласом уже четко очертили самый оптимальный вариант!

В оранжевом свете уличного фонаря полосы на моей пижаме казались какого-то нездешнего космического цвета. В темноте я не смог вспомнить, какого они цвета на самом деле: у меня несколько полосатых пижам и все с одинаковыми по ширине полосками разного цвета. Пару минут я размышлял над этим явлением, но так ничего и не надумал. Я где-то читал, что электрический свет, если источник расположен достаточно близко от наблюдателя, затмевает даже свет полной луны. Но луна, невзирая ни на что, все равно продолжает светить. Так вот, все это вместе якобы символизирует... ну, что-то оно обязательно символизирует, сейчас не вспомню. И не буду об этом задумываться; бесполезное это занятие — придавать вещам смысл и значение, которых в них, скорее всего, нет.

Несмотря на то, что было уже поздно, из комнаты Жана доносились какие-то звуки. Я вышел в коридор, прислушался — это был работающий

радиоприемник. Я подошел еще ближе, теперь можно было более отчетливо расслышать некоторые пассажи.

— А мы продолжаем нашу вечернюю программу новостей. Напоминаем, что вы слушаете Центральную городскую радиостанцию в диапазоне на средних волнах... и на коротких... ну, и чтобы закончить эту программу, предлагаем вам короткий репортаж от наших вездесущих репортеров, братьев-близнецов Йоханна и Густаса, о человеке, который недавно поселился в нашем городе.

Послышался скрип, шумы, звук стал менее чистым, как это бывает, когда запись идет не из студии.

— Да-да, уважаемые радиослушатели, тут нет никакой ошибки — в нашем городе пусть и незначительное, а все же пополнение. Недавно из одной — совершенно, впрочем, понятно какой, — северной страны к нам прибыл некий молодой человек по имени Максимилиан.

«О господи! Этого еще не хватало! На весь город!» — я весь сжался от набежавшего ужаса.

— И этот молодой человек, — продолжил уже второй комментатор, — устроился весьма неплохо — брокером на товарную биржу!

— Н-да, неплохое начало, что и говорить...

— Тем более учитывая, что устроиться на нашу биржу практически невозможно.

— Как же такое могло произойти?

— Разные ходят слухи, но весьма занимательные.

— Ну, слухи мы комментировать не будем, как-никак...

— Тут есть и другой важный аспект, вот что нам удалось разузнать: этот Максимилиан все же имеет высшее специализированное образование, располагает соответствующей лицензией и даже стажировался на какой-то — пока мы еще не выяснили — достаточно известной бирже. То есть опыт у него имеется. Так что данные детали свидетельствуют в его пользу.

— Действительно, источники подтверждают, что опыт имеется, и все же...

— И все же некоторые вопросы остаются...

— Ну, я думаю, со временем у нас появится больше информации, и мы ею обязательно поделимся. Напоминаем, что с вами были репортеры городских событий Йоханн и Густас. Слушайте свежий поток новостей от нас уже завтра. Доброй ночи!

Я тихо прокрался в свою комнату, неслышно закрыл дверь и подошел к окну. Фонарь по-прежнему светил оранжевым цветом, на свои пижамные полоски мне теперь и смотреть не хотелось. «Может, ничего особенного в этом и нет. У них демократическое либеральное государство,

они привыкли жить в таких реалиях. И то, что только что прозвучало в эфире, у меня вызывает и удивление, и озабоченность, в то время как для них это одна из многих рядовых новостей. Только что услышали — и сразу забыли. Или забились другими новостями. Нужно научиться относиться к этому спокойно». Еще какое-то время я смотрел на фонарь за окном. Время близилось к двенадцати ночи. Так и есть — ровно в полночь фонарь погас, правда, у меня перед глазами оставалось его желтоватое пятно. Я продолжал смотреть: пятно постепенно бледнело, потом оно полностью исчезло.

4

В городе о Максимилиане по-прежнему знали очень мало, практически ничего. Но все источники утверждали, что ему там очень нравилось. Вот только на жару жаловался — об этом разные данные свидетельствовали. Говорил, что она его изнуряет. Это и заметно было: и так от природы худой, он от этой жары еще больше стал... ну, что называется, истощаться.

Рассказывали, что однажды, в нахлынувшие минуты откровения, он стал сетовать на то, что его страна имеет слишком большие размеры, а государство настолько сильное, что люди даже не

решаются высказать хоть какое-то альтернативное мнение и в основном вынуждены шушукаться по углам. Опять же, не каждый с каждым шушукаться будет. С другой стороны, при всей этой силе правительству трудно управлять такими просторами, да еще и с неблагоприятным климатом. Население тоже весьма специфическое. Большая часть его истово верует в свое мессианство, полагает, что многие действия — даже и насильственного характера — непременно следует предпринимать в силу некоей Высшей необходимости; опять же эта большая часть считает, что именно они и только они могут уберечь весь мир от всяческих напастей. Для этой группы характерен напор и агрессивность. В свою очередь другая, гораздо меньшая часть, вынашивает идею спасти от столь жутких заблуждений ту первую, большую часть, но ввиду постоянных неудач достичь на этом поприще хоть каких-то результатов ускользает в некие труднообъяснимые романтизм, мечтательность и отстраненность. И, наконец, те, которые не только несогласные, но и деятельные — их там не то что за часть, даже за группку не считают, — те либо уже покинули пределы государства, либо намереваются это сделать как можно быстрее.

Вне всякого сомнения, уверял уже другого своего собеседника Максимилиан, пейзаж, что

постоянно находится перед глазами, способен влиять не только на сиюминутное настроение индивидуума, но и на его характер, и такая особенность имеет далеко идущие последствия. Неудивительно, что бескрайность просторов оказала решающее влияние на ментальность тамошнего населения, окружающий мир стал для него менее конкретным и более расплывчатым. Исчезающий где-то вдали горизонт позволял ощутить слияние с бесконечностью. Естественно, это порождало очень возвышенные чувства, но параллельно с этим вызывало и определенный страх перед повседневной обыденностью, порождало некую безоговорочную подчиненность высшим государственным инстанциям.

Столица государства тоже производила неоднозначное впечатление: она славилась своей удивительной способностью отпугивать всех приезжающих иностранцев. Строилась она предыдущими правителями по особому плану: казармы чередовались с широкими пространствами-плацами, что давало великолепную возможность проведения на них то обычной муштры, то воинских учений, то подготовку к парадным шествиям в праздничные дни. Да и по остальной стране — чистые улицы военных городков, отлично смазанные механизмы, форма с иголочки, оглушительные салюты — все это

буквально одуряющим образом воздействовало на тамошнее население и уводило его от ненужных размышлений. Милитаристский дух буквально витал в воздухе...

Ни на какие сходки и малочисленные митинги Максимилиан никогда не ходил, а все же однажды случайно услышал, как какой-то оратор кричал в мегафон о том, что слишком сильное государство может быть опасным для собственного народа. Это было созвучно с его собственной оценкой ситуации, Максимилиан даже замедлил свой шаг, чтоб услышать еще и другие интересные мысли. К сожалению, стражи порядка уже волокли этого оратора в рядом стоящий автомобиль специального назначения. Именно тогда он и понял, что хочет обычной нормальной жизни, а значит, что-то нужно радикально менять: да-да, в том числе и территорию поменять, и историю с географией, и климат холодный — в противном случае можно попросту сойти с ума.

К такому решению Максимилиана подстегнуло и само правительство, постоянно обещавшее населению, что вот-вот начнутся улучшения и народ заживет так, как никогда прежде. Некоторые улучшения и действительно воспоследовали, но одновременно все почувствовали себя словно зажатými в тиски. Один из источников утверждал, что Максимилиан якобы

очень четко озвучил свое мнение — что, мол, для него совершенно недостаточно было одних только экономических улучшений. Что ему нужны были улучшения и другого плана, а вряд ли этого там следовало ожидать. И что у него времени, чтобы ждать, когда все это, может быть — гипотетически, — и улучшится кардинально, а не только экономически, нет, и что жизнь коротка, и что жить ему нужно сейчас, а не когда-то потом.

В глобальном плане тоже имелись причины, побуждавшие его к принятию столь радикального решения. Властями все настойчивее стал выдвигаться постулат «наш исключительный мир! наше неповторимое общество! наши уникальные ценности!!!». Такое вот противопоставление в планетарном масштабе. Выходило так, что весь остальной мир, равно как и все остальные ценности, вроде как становились чужими, неправильными и ненужными. С подспудной мыслью, что могут быть и враждебными. Не означало ли это, что от большей части того замечательного багажа, что накопило человечество, в какой-то момент заставят отказаться? Максимилиан говорил, что не совсем был готов к такому повороту в своей жизни. И это тоже было одним из аргументов в принятии им окончательного решения.

Вообще-то он даже и курьезные случаи о своей стране рассказывал. Что там, в обычном

среднем городе, где он проживал до переезда в столицу, всего один ресторан был, два кафе и так называемая гостиница. Ходить некуда. То есть кофе ты должен дома потреблять, а значит, и общения никакого не прослеживалось. И город их как-то странно назывался — «Радостный» в переводе на наш язык, или «Счастливым», или «Благолепный» — источники страшно почему-то путались, но это неважно, потому что, в сущности, это практически одно и то же. И потом, страшно подумать: ни одного борделя в телефонном справочнике найти невозможно было! На что тот мужчина, которому Максимилиан сообщал эти подробности, вначале страшно возмутился, потом пришел в невероятно расстроенное состояние, затем его охватили жалостливые чувства по отношению к страждущим на той стороне озера, и он беспрестанно повторял: «Ну, разве ж это жизнь? И как же так можно над людьми издеваться?!» В итоге все дело закончилось тем, что у бедолаги хватило сердца и пришлось вызывать скорую. После этого случая Максимилиан пришел к выводу, что не все из жизни его страны можно и нужно рассказывать счастливым представителям местного населения.

Другие источники сообщали о том, что якобы работа брокера его не особо интересовала, он к ней относился как к промежуточному этапу своей

жизни. Его в основном захватывало все, что было связано с дизайном, а больше всего увлекала цветовая гамма, сочетаемость цветов. В финансовый вид деятельности его родственники буквально затолкали, уверяя, что впереди у него будет безбедная жизнь. Максимилиан поначалу был страшно этим огорчен, но через какое-то время перестал комплексовать по этому поводу, а впоследствии даже и был им благодарен, потому как понял: если не располагаешь особыми средствами, то вначале нужно получить такую профессию, чтобы она приносила доход, а потом уже делать то, что тебе по душе. По-иному ведь никак не получится.

Кстати, как так вышло, что ему удалось провезти через все границы два чемодана, доверху набитых самой разнообразной одеждой, этого никто не знал. Многие свои одеяния он ухитрился приобретать в столице, но кое-что конструировал и сам. Проблема состояла в том, что, в конце концов, и купить можно было, и самому что-то сконструировать, вот только особо расхаживать в этих прекрасных вещах не получалось — режимом не приветствовалось, чтобы кто-то чересчур выделялся из массы. Он надеялся, что хоть в нашей стране сможет время от времени что-то доставать из своего роскошного гардероба и появляться на людях. Но так вышло, что и у нас с этим у него

ничего не получилось из-за этой обязательности постоянно быть при костюме, — так что для него это была довольно ощутимая неприятность, а может, даже и страшный удар и, как знать, может, именно тут и зародились истоки предстоящей драмы.

Говорили и о том, что поначалу новая страна не совсем еще была понятна Максимилиану, но он не сетовал: как-никак у нее совсем другие история и устои. Он не унывал и, наверное, не без оснований считал, что со временем все образуется. Был еще один важный момент, который вселял в него уверенность: следует отметить, что в большинстве случаев к нему относились весьма доброжелательно. А это приносило во все его действия необычайное воодушевление.

А, вот еще что может быть важным для понимания всей этой истории с брокером Максимилианом! Все в городе обратили внимание на его лицо. Какое-то особенное оно у него было, свидетельствовали источники. Необычайно интересное лицо — а попробуй сейчас вспомнить, как же оно на самом деле выглядело, так и не получится ничего. До того особенное лицо у Максимилиана было, что зрительному восстановлению никак не подлежало, как ни пытались многие хоть какую-то черточку его припомнить, а ничего не выходило — его образ

постоянно куда-то уходил в сторону, чтобы потом напрочь стереться из памяти.

5

Сегодня, после того как «квартирный вопрос» был решен, у меня первый полноценный рабочий день. В восемь двадцать пять Жан протер мне лицо, шею и руки специальным лосьоном — он даст мне возможность пребывать в относительно благополучном самочувствии до самого моего вхождения в здание биржи, — помог надеть пиджак, поправил галстук и водрузил на голову котелок.

— Идите не спеша, запомните это золотое правило. Это с работы — перебежками, а туда — исключительно не спеша, — напутствовал он меня.

В восемь тридцать я спускался с этажа в приподнятом настроении. Консьерж был на месте — важная личность в доме! — с ним нужно быть в приятельских отношениях. Я ему протянул заранее заготовленную плитку шоколада.

— Представляете, вчера натолкнулся на настоящий бельгийский!

Консьерж широко улыбался. Контакт был установлен, теперь его нужно будет только поддерживать. Но постоянно. Консьерж услужливо открыл мне парадную дверь — воздух, который

меня окутал, уже был теплым, можно сказать, достаточно теплым, но мне было понятно и другое — какие-то остатки утренней свежести еще блуждали в атмосфере и на работу я смогу дойти благополучно.

— Идите исключительно не спеша, господин брокер, — той же фразой, что и Жан, напутствовал меня консьерж. — Золотое такое у нас правило. Годами нарабатывалось.

Все эти дни, и сегодня тоже, замечаю, что утром и днем люди здесь одеты кое-как, можно даже сказать, небрежно — я это списываю на жару. Конечно, я не имею в виду лиц, состоящих при должностях. А вот вечером немало людей одевается в дорогие вещи, с претензией, но со вкусом у них явные проблемы. К сожалению, у меня нет никакой возможности выйти в том, что у меня есть! Как жаль... Эх, показать бы, что я с собой привез!

В девять тридцать господин управляющий проходил по залу, подошел к моему столу и поздоровался за руку. Это все видели, я ловил завистливые взгляды и в какой-то степени чувствовал себя не в своей тарелке.

Во время коротких заминок с котировками я опять имел возможность подумать о том, как буду добираться домой, и окончательно утвердился в правильности предлагаемого моими коллегами варианта. Тут уж никаких колебаний быть не

должно: добираться домой следует перебежками через эти два тематических кафе. Системы охлаждения там работают превосходно. И далее по маршруту к парку с кратковременными остановками по необходимости. Я опять вынул из ящика поминутный график моего перемещения и план города. Врано скользнул по ним взглядом и бросил:

— Не волнуйся, мы все помним, не бросим тебя! «Желтый дом» — «Каторжане» — далее каждый по своему маршруту, твой решающий рывок к парку, но мы покажем, где тебе еще можно будет останавливаться в случае необходимости. Лучше всего — в локале «Прохладительная услада» и у лавкодержательницы Клодетты. Сегодня же, как и обещали, опробуем этот пробег. Наш тебе своеобразный подарочек будет.

— Работа будет продолжаться до 14 часов, — добавил Ладислас, — потом прозвучат склянки, извещающие о том, что торги закончены, и через каких-то две-три минуты ни единого человека уже не должно оставаться в здании биржи. Начальник службы охраны лично опечатывает двери главного зала и отдельных кабинетов — на этом биржа закрывается до следующего дня.

И действительно, ровно в четырнадцать часов мы побросали все как есть — еще одна удивительная тут вещь для меня, потому что там,

где я стажировался, после работы все нужно было убирать в стол: бумаги, папки, карандаши и ручки, — выскочили из здания и на мгновение остановились под козырьком, чтоб собраться с силами для рывка до «Желтого». Почти сразу мне сделалось дурно, я еще никогда не выходил тут на улицу в самый солнцепек. На лбу выступила испарина, меня словно обдало жарким пламенем, должно быть, такие ощущения испытывают рабочие у мартеновской печи. И этот сразу же проступивший пот по всему телу какой-то особенный: как будто кто-то сразу смазал тебя всего тонким слоем чего-то липкого и пристающего.

— Ну, вперед! *Muovi il culo!*³ — подал клич Врано, и мне ничего не оставалось, как только подчиниться этому призыву.

— Не отставай! — крикнул Ладислас, и я еще быстрее побежал за ними в сторону «Желтого дома».

Когда мы ворвались в двери кафе, пот катился по моему лицу такими крупными каплями, что могло создаться впечатление, будто все лицо у меня было в слезах. Младший кельнер ничуть не удивился и бросил в мою сторону чистое

³ поторапливайся! (ит.)

полотенце.

— Ладно, сейчас тебе полегчает, — приободрил меня Ладислас. — Вовсю работает охлаждение, это раз. А второе — вот мы сейчас забьемся в самый дальний угол и прикроем тебя, чтоб никто ничего не видел, и ты снимешь пиджак. Хоть на пару минут. И вообще, первый полный день не считается, да простит нас Господь, Генеральные правила и департамент человеческих ресурсов!

Врано с Ладисласом начали так радостно и громко смеяться и хлопать в ладоши, что и мне тоже, чтоб не казаться белой вороной, пришлось поступить так же — бить в ладоши и чуть ли не подпрыгивать вместе с ними.

Нам тут же плюхнули на стол по кружке холоднейшего пива, я припал к ней, словно к материнской груди.

— Надо поесть, а то сил не хватит добежать! Чтоб ты знал, тут есть отличные блюда. К пиву обязательно нужно что-то брать, а то развезет по жаре, и домой не добежишь. В прошлом году старший брокер М., на что опытный человек, а выпил целых три бокала, ничем не закусывая, так упал прямо на улице, его подобрали санитары и сразу же в больницу препроводили. И как это в газеты не попало — ума не приложу.

Мы опять отпили по большому глотку, и

Врано заказал какую-то мачарицу.

Немного придя в себя, я стал, как и в первый день, рассматривать картины на стенах. На всех были изображены идиоты. Как поодиночке, так и целыми компаниями. Особенно выигрышными были те, где целыми компаниями: там просматривался определенный сюжет и, подключив собственную фантазию, можно было что-то домысливать, но одиночные тоже были очень хороши. Сюжеты были самые разнообразные, но разглядывать картины поподробнее не было времени, потому что вскорости кельнер принес нам чечевичную похлебку с копчеными ребрышками, посыпанными мелко нарезанной маринованной капустой и все это в одной громадной миске. По сути, это была не миска, поскольку она была не круглая, а нечто вроде небольшого треугольного корытца. Кельнер развернул его края в наши стороны и вручил каждому из нас по ложке. Ни Врано, ни Ладислас ничуть этому не удивились, живо схватили свои ложки и принялись расправляться с этим кулинарным шедевром. Мне ничего не оставалось делать, как и самому приняться за это варево с самого краешка. Не показывать же моим новым друзьям, что для меня это несколько непривычно! Ох уж эти южане, чувствую, придется мне привыкать ко многому!

Расправившись с этим шедевром, мы

побросали ложки, Ладислас расплатился за всех троих с распорядителем — «старший кельнер Бобер» было написано у него на бадже — и скомандовал:

— Ну ладно, подкрепились немножко и славно. Побежали дальше!

После подкрепления бежать было, с одной стороны, тяжелее, а с другой — легче, сил все же прибавилось. Каким-то образом нам удалось добежать до «Каторжан» без особых происшествий. Там не было модной двери, зато на входе всегда стоял портье, так что нам не пришлось ни толкать, ни открывать дверь, он это сделал за нас — мы просто ввалились в очередную прохладу.

Чувствуется, что совсем недавно и «У каторжан» тоже было полно народу, но сейчас остались самые стойкие. Обслуживание тут было получше, может, потому, что было меньше посетителей. Но все равно почти все столики были заняты и распорядитель отвел нас в самый дальний угол. Официант, скорее всего балканского происхождения, не стал ничего бросать, как в «Желтом доме», а подошел и вежливо протянул мне холодную салфетку со льдом.

— Вижу, как вы мучаетесь. Приложите к затылку и подержите немного, потом переместите ко лбу — поможет.

— Спасибо. — Я скользнул глазами по его

баджу: «официант-стажер Здравомир».

Официант-стажер улыбнулся мне:

— Добро пожаловать, господин брокер. Надеюсь, вы будете к нам захаживать. Всегда будем рады! Я вам сейчас и сухую салфетку принесу.

Мои друзья сразу стали показывать мне каторжанские стихотворения, они заботливо были взяты дирекцией заведения в рамочки. В одном некий каторжанин сетовал на то, насколько далеко его забросила судьба, а семья живет без него уже столько лет, жене трудно содержать одной целый выводок детей, а ему еще тянуть лямку целых пять лет. Другой документ был более оптимистической направленности: после освобождения от повинности один мужчина и одна женщина решили сочетаться законным браком, после чего городские власти выделили им участок земли под застройку и даже предоставили внушительную ссуду «на развитие собственного дела». В следующем документе говорилось о том, что на одного смотрителя смиренного дома N 146/18е неоднократно поступали жалобы на то, что он чересчур усердно и непозволительным образом телесно наказывал вверенных его надзору заключенных женского пола. Он пользовался слишком толстыми пучками розог и вместо положенных девятнадцати ивовых прутиков применял розги и в двадцать семь прутиков и даже

свыше тридцати. Дамы очень мучились впоследствии, потому что раны на ягодицах долго не заживали. В конце концов, о его жестокостях было сообщено в Главную коллегия судей. После нескольких заседаний, во время которых перед ее членами в качестве «вещественных доказательств» продефилировали дамы со слишком красноречивыми доказательствами виновности этого зрителя, последнего решено было отстранить от занимаемой должности и немедленно рассчитать.

Все было настолько необычным и захватывающим, что пока Врано с Ладисласом что-то оговаривали с официантами, я подбежал к какой-то уж слишком большой черной рамке на стене напротив, чтобы ознакомиться и с другими бесценными документами эпохи. В этой рамке были клеены вырезки из газет о том, как однажды на город обрушился сирокко. Тут его еще называют «африканским прорывом». На многих каторжан он настолько плохо действовал, что их помещали под наблюдение врача и выдавали соответствующие успокоительные препараты, но все равно одна группа — целых десять человек — несмотря на эти чудные препараты, каким-то образом умудрилась обмануть охрану, покинула территорию лечебницы, а потом и всего лагеря и пустилась в бега. Зачем каторжане это сделали, было совершенно

непонятно, все они были на хорошем счету, образцово работали и исправлялись, до освобождения им оставалось всего два месяца. Тюремное начальство даже не заковывало их в цепи — уже не видело в этом смысла, они везде свободно передвигались. Газета приводила их фамилии, имена и портретные особенности, даже поместила карандашные рисунки для того, чтобы населению их легче было идентифицировать. Действия правительства были впечатляющими: по тревоге подняли не только всю полицию, а и воинские подразделения, подключили гражданское население и перекрыли границы со всеми сопредельными государствами. В следующей газетной вырезке, озаглавленной «Сирокко свирепствует», писалось о том, что если ссыльных поймают, то им грозит новое заключение, вплоть до десяти лет строгого содержания. Выходило так, что их побег был абсолютно бессмысленным, даже абсурдным, и не укладывался ни в какое логическое объяснение. И рядом приводилось мнение лечащего врача, что этот труднообъяснимый случай, безусловно, случился по причине жары, что она повлияла на каторжан именно таким образом, что у них отключились все разумные центры в мозгу. И тут же газета выдвигала предположение, что вовсе нельзя исключать того, что в их городе сумасшествие и каторжанство идут рука об руку.

Правда, об этом не в передовице написали, а в самом низу, так что не каждый читатель мог всю страницу осилить до самого конца. И наконец, в рамку была вклеена третья вырезка из той же газеты, но уже через год после этого происшествия. Статья так и называлась — «Год спустя». В ней как бы подводился итог: сообщалось о том, что беглых усиленно искали по всей стране — и тщетно. Они словно в воду канули, будто испарились. Одним словом, исчезли, а как и куда — никто этого сказать не мог. Газета предполагала, что, поскольку правительство очень плотно перекрыло все подступы к границам, то беглым ничего другого не оставалось, как только выдвинуться из нашего города вниз, к одному из портов на Средиземном море, оттуда перед ними уже открывался целый спектр возможностей. Но как они могли туда попасть? Разумнее всего было добираться по железной дороге, хотя как это можно было сделать, если и там везде стояли посты и все контролировалось? Предположить, что они могли отправиться туда в пешем порядке, потратив на это две недели и передвигаясь по местности, которая без усталости прочесывалась, и остаться при этом незамеченными, было сверх всякой фантазии. Под самый конец статьи журналист позволил себе несколько язвительных абзацев по адресу «чудесной и слаженной работы правительства,

полиции и пограничников, которые провалили по этому делу все, что только можно было провалить». А под самый конец даже пофантазировал: мол, от мощного африканского ветра обособился какой-то боковой ветерок, но тоже неслабый, он подхватил этот десяток каторжан и понес их вдоль столь тщательно охраняемой железной дороги вниз к морю и даже не стал их сбрасывать в какой-то из портов, а переправил через сотни и сотни километров дальше и благополучно приземлил их уже на той стороне моря, где они все прекрасно обустроились, обзавелись семьями и продолжают благополучно пребывать по сей день.

Я перед этой рамкой стоял как замороженный — как же так могло получиться, что целая группа — десять человек — вот так взяла да и исчезла? Ну неужели их всех ветер унес, пусть хоть и мощный?! Я все всматривался в этот листок бумаги — удивительное историческое свидетельство, — но Врано уже тянул меня за стол.

Зная, что мои новые друзья и сами здесь приезжие, я без всякой опаски для себя поинтересовался у них:

— Раз тут отбывали наказание заключенные обоего пола, а потом обзаводились семьями, значит ли это, что их потомки — нынешние обитатели города — могут иметь какую-то повышенную предрасположенность к психическим

заболеваниям?

Ладислас молчал и, как мне показалось, даже слегка отвернулся в сторону. Врано посмотрел на меня несколько помутненным взором, но ответил:

— Видишь ли, тут эти вопросы предпочитают обходить стороной. Не то, чтобы это было табу, — слышал, что в специализированных изданиях на эти темы идет открытая и свободная дискуссия, — но так, чтобы в широкой прессе или в разговорах...

— А если еще и учитывать их, каторжан, гипотетические, хотя и вполне вероятные, контакты с умалишенными... Хорошенький коктейльчик получался бы на выходе... — не знаю, что на меня нашло, но я почему-то никак не мог успокоиться, настолько это было мне интересно.

Все-таки я решил подправить свою формулировку:

— Во всяком случае, я имею в виду тех сумасшедших, что страдали нетяжелой формой...

— О! Ну ты даешь! Знаешь, у нас в последнее время набирает обороты... как же это слово?

— Корректность, — подсказал Ладислас.

— Да, да, корректность...

— Это что еще такое? — я никак не мог унять свое любопытство.

— Это когда некоторые вопросы вообще предпочитают не затрагивать, — раздраженно ответил Ладислас.

Только сейчас я понял, что, пожалуй, зашел слишком далеко. Но Врано, в попытке уменьшить неожиданно возникший между нами накал страстей, взял меня за локоть и развернул в противоположную сторону зала, явно намереваясь показать мне что-то особенное. Или, может, кого-то?

— Вот, смотри, с противоположной стороны, видишь... — зашептал он мне прямо в ухо. — Это мадемуазель Вероника, весьма примечательная особа. Помешана на всем итальянском, так что предпочитает, чтобы ее называли не мадемуазель, а синьорина. Но мадемуазель к ней как-то прикипело намертво, она с этим уже смирилась. И тоже из ваших. Стриженная, эмансипе... У нее мама была суфражистка. Можно сказать, мадемуазель Вероника в какой-то степени последовательница этого движения в современном его варианте. Пошла дальше. Вообще-то, в нашем городе она не ко двору, местные — народ чрезвычайно консервативный.

— Это раньше быть стриженной означало, что женщина либо синий чулок, — скептически заметил Ладислас, — либо же слишком политизированная... Сейчас все поменялось, так что вообще ни черта не поймешь.

— В любом случае она без комплексов, человек свободной профессии и свободных

взглядов, — продолжил Врано. — Кстати, ее любимое выражение — «Бывают такие случаи, когда нужно отдаться волнам чувств и естественных физиологических порывов. Ни о чем не думать. А потом — ни о чем не вспоминать. Как будто ничего и не было». Нормально, да?

— Оно-то нормально, — бросил вечно скептический Ладислас. Было заметно, что он несколько взгрустнул. — Только вряд ли многие могут похвастаться успехами...

Я скосил глаза в его сторону — может, он пытался чего-то добиться, а дело увенчалось фиаско? — но как ни в чем не бывало поинтересовался:

— Что ж она делает тут в такую жару?

— А ей все равно. Ей уже никакая жара не страшна — акклиматизировалась. Да вот она к нам и идет, мы хорошо знакомы.

И действительно, мадемуазель Вероника уже сидела за нашим столиком, с ней было очень легко, разговор завязался сам по себе. Она и правда была весьма примечательной особой: большие серые глаза, красивое правильное лицо, открытый честный взгляд. Может, излишне стальной, так мне показалось. Из украшений и побрякушек на ней вообще ничего не было. Ногти были коротко острижены, маникюром и не пахло. Она была одета в широкую мужскую рубашу цвета хаки и в такие

же широкие антрацитового цвета штаны. Хлопок, хлопок и еще раз хлопок — казалось, она этим во всеуслышание заявляла: «Там, где я, там все натуральное, и никакой химией не пахнет. И вообще: я одеваюсь исключительно для себя, и мне совершенно все равно, что там об этом будет думать мужская часть населения». Впечатление было такое — и оно не вызывало никаких сомнений, — что если бы завтра прозвучал призыв выступить на поля сражений, то мадемуазель Вероника была бы в числе первых.

Мои друзья предупредительно отошли к барной стойке, дав нам возможность побеседовать. Естественно, как и все в городе, мадемуазель Вероника о моем приезде знала, а о себе лишь сказала, что вот уже полгода как она считает себя начинающей художницей, однако пока что к собственно творчеству еще не приступала. Следует прежде всего хорошенько обдумать сюжет произведения, его композицию, цветовое решение и все прочие детали, и пока она все еще пребывает в состоянии поиска. Я согласился с ней в том, что прежде всего нужно определиться, что называется, *en grandes lignes*⁴ и только потом приступать к, собственно, задуманному.

⁴ концептуально (франц.)

Когда все общие моменты беседы истожились, я спросил ее:

— Вы давно тут?

И сразу понял, что этого не следовало спрашивать. Сам по себе этот вопрос выглядит безобидно, но стоит на него ответить, как сразу могут посыпаться и другие, гораздо более конкретные. А это не те вопросы, которые следует задавать в первые минуты знакомства. Оставить свою страну и оказаться в другой... это сложный вопрос. У каждого свои собственные причины.

Она внимательно посмотрела на меня, взгляд у нее в этот момент был скорее пренебрежительным, закрыла свои большие серые глаза, потом открыла их, ее брови двигались с ироничным подтекстом, как бы говоря: «Ну-ну, детка, почему бы тебе не попробовать и еще чего-нибудь разузнать? Только учти — тут работа для асса».

Не удивительно, что я стушевался и решил больше ни с какими вопросами не лезть. Мадемуазель Вероника, словно пожалев меня, все же ответила, как мне показалось, философски:

— Каждый хочет находиться где-то в другом месте, чем он находится в настоящее время. Non e véro?⁵

⁵ разве не так? (ит.)